

Я зрѣлъ ихъ смутною душой,
Я имъ внималъ равнодушно.
На мнѣ была тоски печать,
Бездѣйствию терзалась совѣсть,
И я рѣшился начертать
Временъ былыхъ простую повѣсть.

Жилъ-былъ когда-то князь Олегъ,
Владѣтель русскаго народа,
Варагъ, боецъ [тогда свобода
Не начинала свой побѣгъ].
Его рушительный набѣгъ
Почти отъ Пскова до Онѣги

Поля и веси покорилъ...
Онъ всѣмъ сосѣдамъ страшенъ былъ:
Предъ нимъ дрожали печенѣги;
Съ нимъ отъ каспійскихъ береговъ
Казары дружества искали;
Его дружины побѣждали
Свирыныхъ жителей дубровъ.
И онъ искалъ на грековъ мести,
Презрѣнью гордыхъ раздраженъ...
Царь Византіи былъ смущенъ
Молвой ужасной этой вѣсти...
Но что замедлил князь Олегъ
Свой разрушительный набѣгъ?..

1829—1830.

И с п о в ѣ д ъ.

[Эта поэма представляет собою набросокъ, который легъ въ основаніе того, что было потомъ выражено въ „Бояринѣ Орша“ и „Мцырѣ“. Цѣлыя стихи изъ „Исповѣди“ перенесены позднѣе въ эти два произведенія. Сопоставленіе сдѣлано нами въ Русской Старинѣ 1887 г., октябрь, гдѣ „Исповѣдь“ была въ первый разъ напечатана).

I.

День гасъ! въ нарядѣ голубомъ,
Крутясь, бѣжалъ Гвадалгвивиръ...
И, не заботясь о томъ,
Что есть подъ нимъ какой-то міръ,
Для счастья чуждый, полный зломъ,
Свѣтило южнее тепло
Безпечно, пышно и свѣтло...
Но въ монастырскую тюрьму
Игривый лучъ не проникалъ,
Какую-бъ радость одному
Туда принесъ онъ, если-бъ зналъ.
Главу склоня, въ темницѣ той
Сидѣлъ отшельникъ молодой,
Испанецъ родомъ и душой...
Таковъ былъ рокъ! зачѣмъ, за что,
Не зналъ и знать не могъ никто.
Но въ преступленіи обвиненъ,
Онъ оправданья не искалъ;
Онъ зналъ людей и зналъ законъ,
И ничего отъ нихъ не ждалъ...
Но вѣтъ по лѣстницѣ крутой
Звучатъ шаги, открылась дверь,
И старецъ дряхлый и сѣдой
Взошелъ въ тюрьму—зачѣмъ теперь?
Что сожалѣнья и привѣтъ
Тому, кто гибнетъ въ цвѣтѣ лѣтъ!

II.

«Ты здѣсь опять! Напрасный трудъ!...
Не говори, что Божій судъ
Опредѣляетъ мнѣ конецъ:
Все люди, люди, мой отецъ!
Пускай погибну, смерть моя
Не продолжить ихъ бытія,

И дни грядущіе мои
Имъ не присвоить—и въ крови,
Неправой казнью пролитой,
Въ крови безумца молодой,
Согрѣтъ имъ внозъ не суждено
Сердца, увядшія давно.
И гробъ безъ камня и креста,
Какъ жизнь ихъ ни была свята,
Не будетъ слабымъ ихъ ногамъ
Ступеньку новой къ небесамъ.
И тѣнь невиннаго, повѣрь,
Не отперетъ имъ рая дверь.
Меня могила не страшитъ:
Тамъ, говорятъ, страданье спитъ
Въ холодной вѣчной тишинѣ...
Но съ жизнью жаль разстаться мнѣ!
Я молодъ, молодъ... зналъ-ли ты,
Что значить молодость, мечты?
Или не зналъ, или забылъ,
Какъ ненавидѣлъ и любилъ;
Какъ сердце билось живѣй
При видѣ солнца и полей
Съ высокой башни угловой.
Гдѣ воздухъ свѣжъ, и гдѣ порой
Въ глубокой сѣважинѣ стѣны,
Дитя неведомой страны,
Прижавшись, голубъ молодой,
Сидитъ, испуганный грозой.
Пускай теперь прекрасный свѣтъ
Тебѣ постыль—ты слѣпъ, ты сѣдъ,—
И отъ желаній ты отвыкъ...
Что за нужда?—ты жилъ, старикъ!
Тебѣ есть въ мірѣ что забыть,
Ты жилъ!—я также могъ-бы жить!..»

III.

«Ты слушать исповѣдь мою
Сюда пришелъ—благодарю;
Не постигаю, что была
У нихъ за мысль?—мой дѣла
и безъ меня ты долженъ знать,